

КРУГЛАЯ ДАТА

Труд. - 1998. - 4 янв. - 45

Андрей ГОНЧАРОВ:

МОЙ СЕГОДНЯШНИЙ ГЕРОЙ — ДОН КИХОТ

В этом году Театр имени Вл. Маяковского будет отмечать свое 75-летие. А Андрею Гончарову, который руководит этим коллективом вот уже три десятилетия, в начале января исполнилось восемьдесят. С Андреем Александровичем мы встретились после репетиции спектакля "Как вам это понравится" по В. Шекспиру.

— Андрей Александрович, за время вашей долгой театральной жизни происходили заметные изменения с публикой?

— О, их происходило очень много. Но суть взаимоотношений театра и зрителей оставалась неизменной. По этому поводу хочется вспомнить слова Станиславского о том, что главное в творчестве — это искренность. Обладая этим качеством, еще как-то можно пробиваться к зрительному залу и сегодня.

— Как вы считаете, выполнение этой задачи может помочь современная драматургия?

— Сейчас найти пьесу труднее, чем поставить спектакль. Давно у меня не было такого потрясающего материала, как повесть "Завтра была война". Борис Васильев рассказал о своем и о моем поколении с такой искренностью и с такой силой, которые сделали этот спектакль этапным. Вы спросите, почему я раньше ставил Т. Уильямса и А. Миллера? Да потому что ничего равного этим ученикам Чехова и Достоевского в родной драматургии не находил. А. П. Чехова, так как боялся наврать. Передо мной стоял пример Художественного театра под руководством К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, в котором актеры в спектаклях жили, существовали, а не изображали жизнь. Они несли шлейф той культуры, которая питала их до 1917 года. А современный зритель от этого отучен.

— Судя по вашим постановкам и статьям, вас очень волнует современное прочтение классических пьес.

— Именно поэтому я пытаюсь второй раз поставить "Детей Ванюшин-

на", взглянуть на эту пьесу не как на семейную мелодраму (написанную в 1901 году), а как на трагедию развала дома, русского дома. На сцене будет висеть вывеска "Ванюшин и К", а во втором акте она уже будет на английском языке. Представляете: Ванюшин — и английский язык. Абсурд?

Вот я, например, смотрю на голубой экран, а оттуда на меня "лезут" всякие игры, дешевая культура "из-за бугра". Мы успели заплыть свое прошлое, Слава Богу, что вдруг опомнились и начинаем кое-что возвращать. К примеру, я очень рад, что открыли канал "Культура", который мне сегодня в десять раз интереснее, чем другие. Потому что он так или иначе отражает духовную сущность нашего народа.

— Андрей Александрович, вы всегда говорили, что режиссер должен помнить о триединстве: Что, Как и Во имя чего он ставит. Во имя чего вы ставите сегодня комедию Вильяма Шекспира "Как вам это понравится"?

— Тут целый комплекс причин. Во-первых, пришло время, когда молодое поколение театра должно проявить себя в первых ролях. В нашем спектакле занято сорок человек, из которых двадцать — мои ученики, еще даже не окончившие курс в ГИТИСе. Мне сегодня гораздо интереснее открывать новые индивидуальности, чем сдирать с мастеров давно наработанные ими штампы. И, конечно, меня заинтересовала тема пьесы. Уж очень надоела эта унылая жизненная позиция: все плохо, все не годится, все не устраивает. Есть такая молитва старцев: "Дай Бог мне силы преодолеть утомление наступающего дня". В наступающем дне надо искать добро, надежду, веру,

любовь. Я думаю, сегодня это самое насущное для общения со зрительным залом.

Конечно, в пьесе, написанной 400 лет назад, есть некоторые анахронизмы. Но в ней звучит замечательная тема: соприкосновение человека с природой, в котором раскрываются лучшие его качества. У нас спектакль будет называться "Как вам это полюбится". Потому что главный талант, данный человеку, — это талант любви. Во имя этого я и ставлю пьесу Шекспира.

— Скажите, возможна смена поколений без конфликта между ними?

— Все свои силы я кладу на то, чтобы это был не конфликт, а эстафета, преемственность. Сорок молодых людей выходят на сцену и играют Шекспира. Если они подхватят лучшие традиции русского психологического театра, если смогут противостоять охватившему наше общество цинизму, если окажутся способны распахнуть лучшие свои качества и чувства в спектакле, — значит, мы подготовили хорошую смену.

— Напрашивается вопрос о зависимости театра от литературы. Нередко приходится слышать, что театр должен эту зависимость преодолеть.

— Независимость театра от литературы делает его другим видом искусства. Вот с Бродвея, например, драматический театр изгнан. В целом ряде стран уже не существует драматического театра. Тут приоритет пока еще принадлежит нам. И хорошо бы его не потерять. Зачем отделяться от литературы? Правда, нынешняя проза не очень-то радует. Сегодня читаю толстые журналы, где публикуются современные писатели, и ни одно из произведений дочитать до конца не могу.

— Скажите, а вы смогли до конца досмотреть спектакль "Какая идиотская жизнь", который иногда идет на сцене вашего театра в исполнении А. Джигарханяна и Н. Гундаревой?

— Я этого спектакля не видел.

Это антреприза, и мое негативное отношение к антрепризе всем известно. Я считаю, что каждый актер должен придерживаться принципов русского репертуарного театра, выше которого не поднималась ни одна антреприза. И когда мои актеры уходят в погоню за "зеленышками", они теряют в мастерстве. И ничего не приобретают. Ничего!

— Чем вы больше всего гордитесь и о чем сильнее всего сожалеете?

— Горжусь тем, чем должен гордиться каждый человек. У меня большое количество учеников. Горжусь, что удалось в наше трудное время вернуть на сцену таких авторов, как мой друг А. Галич, В. Войнович, М. Булгаков. Горжусь тем, что в трудное время ставил то, что хотел. О чем сожалею?.. О том, что не поставил того же Чехова, потому что боялся, как я сказал, наврать.

— Что вас больше всего привлекает в артисте?

— Способность удивляться жизни. И свое удивление с заразительностью и темпераментом передавать зрительному залу.

— Что вы думаете о современном герое?

— Знаете, само понятие героя меняется со временем. Сегодняшний герой — это, как ни странно, Дон Кихот. (Андрей Александрович показывает на фигуру Дон Кихота,

стоящую рядом со столом, под портретами М. Лобанова, А. Попова...).

— Почему?

— Он несет принципы, над которыми автор в те годы иронизировал и смеялся, а сегодня мы ими восхищаемся. Вот почему со своими студентами я вновь ставлю "Человека из Ламанчи".

— Но в этом герое слишком много смешного...

— Нет, он не смешной. Вдумайтесь: Рыцарь Печального Образа. Не столько смешной, сколько печальный. Кстати сказать, уже в XIX веке проходили диспуты на эту тему. Уж тогда-то он точно был героем. А сейчас и подавно. Он воплощает те качества, которые сейчас очень редки. Это утерянные качества.

Недавно меня встретил Е. Евтушенко. Я не часто с ним встречаюсь и не принадлежу к его друзьям. Но вдруг он воскликнул: "Романтик!" Ничего лучшего про меня он сказать не мог.

— Какой ваш лучший спектакль?

— Тот, который еще не поставил!

— Ваше пожелание читателям "Труда"?

— Наступил Новый год, и я желаю всем нам вернуться к традициям великой русской культуры, ее великому богатству, которым недопустимо пренебрегать.

Беседу вел
Артур СОЛОМОНОВ.